

«Принцип собаки Павлова: лампочка загорелась – желудочный сок пошёл. Аффилированность увидели – давай наказывать. Это нонсенс!...»

*О юридической технике при написании судебных актов, загруженности высшей судебной инстанции и её последствиях, глобальных проблемах фактической аффилированности, бремени доказывания, лихоимственных изворотах бизнеса и деле Хаймса мы поговорили с **Юлием Таем**, управляющим партнёром АБ «Бартолиус», профессором НИУ ВШЭ.*

Андрей Егоров: Добрый день, Юлий Валерьевич! Тема номера – аффилированность при банкротстве. И меня, честно говоря, беспокоит практика, которую выстраивает Верховный Суд. Чем она меня беспокоит?

Тем, что суд берёт понятие фактической аффилированности, довольно активно его развивает, и, мне кажется, происходит логическая ошибка излишнего обобщения. То есть берётся какой-то казус, для которого решение будет справедливым при той конкретной форме аффилированности, которая имеет место, и в конце делается обобщённый вывод о том, что к такому же решению приводит любая аффилированность в принципе, и фактическая в том числе.

И суды в других случаях со ссылками на имеющую место фактическую аффилированность начинают делать не самые удачные вещи. Я, собственно, хотел поговорить, встречалось ли это в вашей практике. У меня есть несколько казусов, которые меня волнуют.

Юлий Тай: У меня очень много таких примеров. Я тоже слежу, естественно, за практикой Экономической коллегии Верховного Суда, и, несмотря на то что своими актами он нейтрализует несовершенства действующего законодательства, мне кажется, сейчас суд не оставляет камня на камне на законодательстве, и, порождая какие-то новые институты или подинституты внутри институтов, судьи допускают некоторые ошибки. Мы подробно в статье с А. Карапетовым и А. Верещагиным в своё время отмечали, что рассмотрение любого казуса проблемно из-за того, что ему присуща постоянная амбивалентность («и нашим, и вашим», что называется). Это характерно на всех уровнях судебной системы, и Верховный Суд не исключение.

Вторая очень важная проблема связана с тем, что в судебном акте нередко указывается много обстоятельств, при которых было принято конкретное решение. И тут же возникает предположение, что данное решение иной суд может повто-

речь только в том случае, если в деле будет такая же совокупность обстоятельств. Но при более внимательном изучении – если читать не только постановление судебной коллегии, но и все судебные акты всех инстанций, – становится понятно, что акцент судом сделан на каком-то одном обстоятельстве, именно оно и стало переломным. И значит, в другом деле, если будет именно такое обстоятельство, дело можно решать так же, пусть и в отсутствие некоторых второстепенных обстоятельств из дела-прототипа.

На практике оказывается, что, не понимая правильно, что же было главным, каждый из нижестоящих судей что-то выхватывает из конкретной фабулы дела и пытается приспособить позицию вышестоящего суда к своему делу, потому что им так удобнее (не забываем про вопросы пристрастности, коррупции и прочих

вещей). В результате каждый нахватывает оттуда то, что он хочет видеть. Иначе говоря, красота в глазах смотрящего. Это уже не оставляет камня на камне от того, что Конституционный Суд называет нормативной определённой. Причём он стал эти слова уже как мантру повторять, но его никто не слушает, скорее наоборот, эта определённая всё сильнее и сильнее растворяется.

Понятно, что это противоречие, или борьба, которая непримиримым образом разделяет романо-германскую и англосаксонскую систему: движение идёт либо от общего к частному, либо от частного к общему, от казусов к формулированию нормативно определённой фразы или наоборот, одни движутся слева направо, а другие – справа налево, но в этом движении самая ключевая вещь – оказаться посередине.

Юлий Тай

Окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

С 2001 года – управляющий партнёр Адвокатского бюро «Бартолиус».

К.ю.н., профессор НИУ ВШЭ, лектор юридического института «М-Логос».

Член редакционного совета журнала «Вестник гражданского процесса», член попечительского совета Russian Law Journal (RLJ).

Член правления Международного союза (содружества) адвокатов.

С 2011 по 2017 год являлся третейским судьёй Третейского суда «Газпром».

Арбитр Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража.

Член Ассоциации антимонопольных экспертов.

Весной 2021 года избран в Совет Адвокатской палаты г. Москвы.

Лауреат премии в области адвокатской деятельности и адвокатуры в номинации «Деловая репутация».

Признан российскими и международными рейтингами, среди которых Право.ру-300, «Коммерсантъ», Chambers and Partners, Best Lawyers.

Мне кажется, нам как-то фатально не везёт, потому что мы никогда не в середине. Нас штормит, мы всё время по краям, и у нас – в Российской Федерации, в наших просторах – вообще проблемы с чувством меры. То ли тому причиной бескрайность просторов нашей страны, то ли внутренняя ментальность, то ли отсутствие чего-то базового: у нас всё такое изменяющееся, гибкое, эластичное, неопределённое, постоянно меняющееся законодательство (в банкротстве прежде всего), и вот всё мною названное приводит к тому, что из-за этой так называемой точечной настройки мы в результате «законопачиваем» весь институт или вообще его убиваем. В аффилированности это прежде всего бросается в глаза.

Что я понимаю под точечной настройкой? Это когда мы отдельными актами одно подрегулируем, введём исключения в другом, потом неизбежно появятся исключения из исключений: вот эту норму законодательства, описанную несовершенно, мы обессилим, чтобы она не применялась, а вот эту, совершенную, мы ограничительно истолкуем и т.п.

А.Е.: Раньше я лекции читал как лекции, начиткой, ссылался на практику, а сейчас, поскольку материал начитан, я перешёл на казусы ВС за 2020 год и много уже их разобрал со слушателями. И заметил следующую методику. В аргументации используется три-четыре довода, при этом по существу один-два главных, а остальные второстепенные, но они никак не ранжируются судом между собой, и у нижестоящих судей возникает закономерный вопрос: эта правовая позиция будет работать только при полном совпадении всех этих доводов (обстоятельств) в их деле или возможны вариации?

Есть один очень интересный казус, как раз о том, что было сейчас сказано. В нашем прошлом номере я опубликовал статью о том, нужно ли ограничивать наших кредиторов в доступе

к иностранным активам должника, если речь идёт о банкротстве в России. При подготовке я анализировал знаковое дело «ВТБ против Лаптева», которое рассматривалось в Лондоне. Экспертом по российскому праву на стороне ответчика выступал В.С. Гербутов. У него была такая позиция, что в российском законе, в котором сказано, что с момента возбуждения дела о банкротстве все иски – только в дело о банкротстве, содержится по сути экстерриториальная норма, не только материальная, но и процессуальная. А у меня, если вкратце, позиция такая: экстерриториальности в таких нормах нет. Но забавно, на что Виктор ссылается: единственное дело, которое он нашёл в подтверждение позиции, – это решение арбитражного суда Поволжского округа по делу Малога. Там была фишка: российское дело о банкротстве, наши «физики» пытаются включиться в реестр с довольно странной суммой и, судя по всему, понимают, что в нашем деле им мало что светит. Дальше они придумывают: недалеко Украина, бегаем в Днепропетровск, просуживаем решение, потом уступаем долг кому-то...

Ю.Т.: И предъявляем в российском банкротстве?

А.Е.: Да. Но наш суд не хочет устанавливать эти требования. Понимает, что его попытались обьегорить, и думает, как бы мотивировать отказ. Всё-таки, казалось бы, это требование «просуженное» и так далее...

В мотивировке, во-первых, он ссылается для затравки на ст. 63 Закона о банкротстве (мол, нельзя было украинскому суду принимать это дело к производству), но потом вся аргументация суда строится на недобросовестности и злоупотреблении истца (заявителя). Там вроде бы правопредшественник заявителя ранее уже обращался в российское дело о банкротстве и получил отказ, но потом у него всё удачно про-

Я считаю, что это разделение судей и адвокатов – совершенная дичь. Я с этим не согласен. Их надо в один цех, один коллектив. У нас одно высшее образование, мы сидим на соседних скамьях или одной скамье с университета

шло в Днепропетровске. И суд акцентировал внимание на этом. Получилось, что он лишь начал аргументацию со ссылки на ст. 63 Закона о банкротстве, никак её не развив в дальнейшем, хотя, казалось бы, этого должно быть достаточно, если бы суд полагал на основании указанной статьи, что никаких иностранных процессов при наличии текущего российского дела о банкротстве не может быть.

И что получается в итоге? В.С. Гербутов берёт из решения суда только одну ссылку на ст. 63 Закона о банкротстве и этим ограничивается. Он полагает данную норму достаточной для того, чтобы иностранный суд отказался от принятия к производству заявления российского кредитора об обращении взыскания на активы российского должника.

Напротив, в деле «ВТБ против Лаптева» никакого злоупотребления со стороны истца доказано не было, но суд признал российскую практику по делу Малога убедительной. Иными словами, когда суды дописывают в свои мотивировки лишние доводы – для убедительности, – это может иметь отдалённые неблагоприятные последствия. Ведь сейчас разворачивается зарубежная практика. Другой банк идёт по пути ВТБ на Кипре, киприоты смотрят, что в Лондоне решили, и позиции российских специалистов о том, что в Лондоне ошиблись, и кипрскому суду уже будет сложно что-то объяснить. Магистраль практики сложилась.

Ю.Т.: Безусловно! В этом и проблема. Здесь же вечное противоречие: что такое прецедент? Не с точки зрения его обязательности, а с точки зрения того, что мы выуживаем из судебного акта, чтобы сказать о том, что в нём выражена правовая позиция.

Во-первых, это очень часто, особенно с учётом юридической техники, того, как у нас пишется, связано с фактическими обстоятельствами того или иного дела, доказанностью или недоказанностью, и прочим. Попутно сказанные вещи у нас очень часто приравнивают к главным (по-скольку у нас нет культуры *obiter dictum* и *ratio decidendi*), поэтому у нас все одно к одному.

Во-вторых, проблема юртехники – это то, что суды (имеется в виду – судьи) очень часто сами не уверены в своей позиции.

А.Е.: И набрасывают все возможные аргументы «на всякий случай», чтобы не отменили.

Ю.Т.: Да, и вот это «на всякий случай» проявляется даже у Верховного Суда, хотя, казалось бы, у них-то нет шансов на отмену. Получается какое-то рефлекторное действие.

А.Е.: Они же в прошлом судьи нижестоящих инстанций, привыкли...

Ю.Т.: И, собственно говоря, это уже культура. Они же тоже вычитывают миллионы этих актов нижестоящих судов, и у них откладывается в подсознании: «делай, как я». Складывается какой-то генный код...

Причём если это делают адвокаты – это называется «эвентуальный способ защиты», и это нормально. Ты говоришь: вообще-то я не признавал долга, но если суд решит, что его признал, то максимум вот в таком размере, а если даже и не в таком размере, то есть исковая давность, а если и она не поможет, то при расчёте неустойки имейте в виду ст. 333 ГК, и т.д. и т.п.

Это для защитника, для представителя, для адвоката – нормально. Это способ рассуждения вместе с судьёй в таком практически сократическом диалоге, рассуждая на тему. Но судебный акт тем и отличается от процессуальной бумаги представителя! И в этом величайший парадокс: судьи у нас не выходцы из представителей, а делают, как они!

В Англии, где все судьи из адвокатов, так не делают, а у нас, где адвокаты и судьи как кошки с собаками, – делают. Хотя я считаю, что это разделение судей и адвокатов совершенная дичь. Я с этим не согласен. Их надо в один цех, один коллектив. У нас одно высшее образование, мы сидим на соседних скамьях или одной скамье с университета.

Парадокс в том, что наших судей, получается, этому никто не учит, и даже учат обратному, а они сами доходят. Как в моей любимой шутке: сколько ни начинал Данила-мастер делать каменный цветок, а получался всегда гранёный стакан. Вот никуда от этого не деться, всё время мы возвращаемся к тому, что делается на всякий случай 25 оговорок. Причём если бы они делались с целью усилить позицию – это было бы полбеды, а зачастую они ещё и друг другу противоречат. Это первое.

И второе. Они иногда создают неправильные акценты по поводу того, как мы должны воспринять позицию суда. В итоге самое страшное – нет понимания, что хочет сказать Верховный Суд.

Большая проблема ещё и в том, что сам Верховный Суд не знает, что он хочет написать. Это тоже замкнутый порочный круг нормы о возможности оглашения только резолютивной части. Я по наиболее сложным делам, по которым в том числе участвовал сам, могу с уверенностью, близкой к стопроцентной, сказать, что между тем, когда суд выносил резолютивную часть, и тем, когда он написал мотивировочную часть и что он обсуждал, – дистанция огромного масштаба.

Есть красноречивые цифры. Если передали дело для пересмотра в Судебную коллегию по экономическим спорам, то там вероятность 94–97 процентов, что будет отмена. Это по инерции так. Они отменяют, как правило, но не ставят точку, а отправляют дело на новый круг, что тоже абсолютно, я считаю, неправильно... Должно быть больше точек и поменьше многоточий. Ну хорошо, они отправили на новый круг, но тогда они должны дать чёткое (возвращаясь к фразе о нормативной определённости) указание, на что надо ориентироваться, чтобы вынести правильное решение.

А.Е.: Они говорят: «Вы не исследовали вот это». И что дальше?

Ю.Т.: Ещё хуже. Не просто «не исследовали», они говорят: «Вы не исследовали то-то, а при этом надо учитывать вот это, вот это и вот это». А в каком смысле это надо учитывать, будет ли это в плюс или в минус? Будет хорошо или плохо, если это будет установлено? И таких примеров огромное множество.

Я берусь порой за дела, которые хорошо знаю, с экспертной позицией по которым выступал, которую сам писал... я читаю – и у меня волосы дыбом встают. Я искренне не понимаю, что хотел сказать Верховный Суд. То есть, когда мы опять опустимся в первую инстанцию или апелляцию, я должен прийти и что-то сказать суду. Что я скажу, кроме спекуляций вокруг слов, когда берешь нужную фразу, как бы не замечая вторую: «Ну вот, он же сказал, он же сказал!»

Это классический пример: тут читаем, тут не читаем, тут рыбу заворачиваем. Каждый выхватывает то, что хочет. Это худший способ написания любого текста, я уж не говорю – судебного акта, акта высшей судебной инстанции. Это напоминает мне знаменитую басню Михалкова «Слон-живописец», когда медведь в угоду всем нарисовал на картине всё, кому что требуется, и получился вообще полный ералаш.

И в вопросах сложнейших, с которых мы начали наш разговор, – об отношениях фактической зависимости, аффилированности, связанности – это действительно всегда не то что 50 оттенков серого, это все 555 оттенков. И все нижестоящие суды ищут как манну небесную критерии, какие-то комплексы, маркёры или тесты на предмет аффилированности. Для того чтобы определить, была она или нет, надо пройти тест, как принято у англосаксов (кстати, у немцев и французов это тоже есть), – двухуровневый, четырехуровневый, пятиуровневый и так далее.

Вот что такое проработка судебного акта? Очень редко КС нас балует такими условными тестами. Баловал, скорее. Он говорил: «Надо пройти вот такой условный тест, чтобы разобраться, правильно это или неправильно. Верховный Суд от этого, к сожалению, отошёл. Такие примеры в большей или меньшей степени встречаются в постановлениях Пленума и практически не встречаются в казусных делах по конкретному делу. А ведь это очень плохо. Объясню почему.

Именно казусы должны на примере пробуждать сознание и объяснять, в чём отличия. Ведь и у вас, и у меня большой опыт преподавания. Мы для чего объясняем на примере казусов? Не от того, что нам делать нечего, а потому, что тем самым пытаемся объяснить студентам общую мысль на конкретном примере. И тут уж сама жизнь рождает пример.

Три информированных, умных, образованных человека. Их спрашивают: «Уважаемый суд, как нам поступить? Вот сложнейшая правовая проблема, законодательство молчит или не совсем чётко говорит, как нам поступить?». И в ответ они слышат такой набор, с позволения сказать, аргументов, после которого становится понятно в пять раз меньше, чем было до их «разъяснения».

А.Е.: Если смотреть глобально, надо аналитиков привлекать для того, чтобы они высказали мнение. Приходишь с ка-

зусом и говоришь: «Я буду решать так, потому что хочу, чтобы было справедливое решение. Ребята, накидайте идеи, чтобы здесь двинуть, как раз в контексте». Похоже, не успевают просто физически. Одни – обратиться с вопросом, вторые – его хорошенько обдумать.

Ю.Т.: Не успевают, и это не их вина. Я вот абсолютно не виню Судебную коллегию по экономическим спорам, особенно банкротные составы: они работают, как автомат Калашникова, они просто на галерах, выносят столько определенных, что немыслимо ни в Президиуме, ни у кого в жизни! Если бы мы сказали, что один судья Высшего Арбитражного Суда отписывал 60 постановлений Президиума в год, он бы сказал: «Я что, сумасшедший?! Ну конечно, нет!» Ну 10, 15, 20 – вот такие показатели были в год. Может, и больше, но явно не к 60 приближалось. А там наиболее активные по 60 отписывают. И как отписывают!

Кто-то считает за благо, что за пять дней тяп-ляп сделали определение СКЭС, а я с этим не согласен. Мне больше импонировало – хотя я был бенефициаром более быстрого принятия решений, – когда я месяц, два ждал, но зато получал текст, который выстрадан, обсуждён, над которым поспорили, подискутировали все члены Президиума. Извините, даже вычитка была: техническая вычитка с точки зрения правил русского языка. Это означало, что широкий круг обсуждает, формулирует, подключается аналитика, предлагаются какие-то варианты..., а здесь этого нет.

А.Е.: Количество переходит в качество. В Президиуме редакторы сидели, читали, но они не потянули бы такое количество, которое сейчас. Либо их пришлось бы человек до двадцати увеличивать. Двадцать держать.

Ю.Т.: Плюс, знаете, есть пять дней, которые они практически соблюдают. Эффективности ради надо сказать, что СКЭС отписывает от пяти до десяти дней. Но за

**Мы уже привыкли к эзопову языку во всех областях,
от политологии до медицинской науки, но в юриспруденции
давайте освободимся от намёков, полунамёков, кивков, морганий!
Хочешь сказать? Скажи! Не готов сказать? Не говори!**

пять-десять дней, когда у тебя есть другие дела, ты, естественно, отписал «как смог». «Я его слепила из того, что было, а потом, что было, то и полюбила» – вот в такой логике.

Но, повторюсь, это не вина, а беда, что они находятся в таком режиме, и единственная их помощь – это их собственные помощники. Но при всем уважении к помощникам – и вообще земной поклон им за трудолюбие, уверен, что они работают днями и ночами, судя по объёму работы, которую они выполняют, – но ведь это «днями и ночами» означает, что некогда нагулять нового «жирка», нового «соуса», новых смыслов. Для того чтобы написать что-то – надо прочесть в сто раз больше, и времени должно быть много.

В моём понимании во всей мировой практике судья верховной инстанции от судьи первой инстанции тем и отличается, что помимо прочего он находится в творческом порыве. Он, в отличие от судей первой инстанции, имеет возможность читать на постоянной основе толстые книги, журналы, быть погружённым: у него больше времени, полёт выше, щип поуще.

Первая инстанция больше на земле. В этом есть и плюсы, и минусы, но она не воспаряет в таком аналитическом смысле над проблемами, не видит всей широты палитры этих проблем.

Высшая судебная инстанция в принципе должна находиться на таком уровне и так формулировать проблемы. Если бы было так, как я сказал, повышался бы шанс того, что такие сложнейшие вопросы правоприменения, как отделение хороших от не очень хороших, от подозрительно нехороших, но при этом являющихся хорошими, от тех, которые похожи

на плохих, но у них есть причины, почему они себя так повели, и прочие, прочие отличия, давали бы возможность правильно выносить решение по конкретному делу, а потом это ясно и понятно описывать – ёмко, внятно, аргументированно и доступно.

К сожалению, судьи гражданской коллегии больше всего грешат. Иногда судьям кажется, что если они решили дело по справедливости, то они молодцы. То есть они поймали негодяя или, наоборот, спасли хорошего. Им кажется, что этого самого по себе достаточно. Но это не так. Потому что, если в результате отписки определения таким образом тысяче людей с этого дня становится плохо, они не только не улучшили ситуацию, но и сделали хуже. То, что здесь они нагнали негодяя или спасли прекрасного человека, этот один человек – в истории... Не хочу звучать цинично. В общем, они за деревьями леса не видят.

Я устал говорить про дело Самыловских. Говорят: «И чего там такого? Они ограничили ответственность только той квартирой, которую забрал». Но это неправильно! Нет у детей субсидиарной ответственности.

А.Е.: Де-факто они оспорили сделку, но назвали это другим именем – субсидиарной ответственностью.

Ю.Т.: Верно, там вообще была сделка. Но вы так и напишите!

В результате порождается огромный вот такой куст (разводит руками. – А.Е.), а самое главное – производящий дальше и дальше отростки. Я бы сказал: «Ладно, переживем», если бы только в этом направлении и ветка купировалась, мертворожденная родилась, но – нет! Она рож-

дает новое ответвление, и я вижу целые рулады, непроходящие мотки, когда проносится что-то конкретно для этого случая, а потом говорят, имея в виду только этот конкретный случай: «А давайте вот так сделаем!» А потом через некоторое время говорят: «Помните, мы тогда вот так сделали? А давайте из этого сделаем следующее суждение! А из него – следующее!» И институт, который под это вообще не заточен, расцветает неведомым, буйным цветом. И даже если бы им самим, когда они приняли самый первый акт, когда они форточку эту приоткрыли, сказали, в какие ворота это превратится, может, они бы ужаснулись и не стали бы это делать. Но жизнь показывает, что на этом нет остановки. Это все продолжающаяся, развивающаяся практика.

Что-то они сами развивают, что-то им возвращается. Ведь как они сказали «а», практика им ответила «б», «в», «г». И надо отвечать. Приходится делать ещё несколько суждений.

По каждому из новых вопросов у судей ВС есть вариант остановить возникающее безобразие, когда они уже видят, что перебор пошёл. Но тогда у них происходит когнитивное сложное чувство, потому что они говорят: «А мы же сказали, что так можно! Они же всего лишь, в общем-то, докрутили нашу идею. За что же мы будем их отменять? Получается, если сказать, что так нельзя, – то мы тоже на горло собственной песне наступаем, тоже некрасиво».

И они постоянно в этих мучениях находятся. Мне кажется, что единственным решением проблемы является только одно – качественное изготовление мотивировочных частей судебных актов, которые при прочтении понятны и дают ясность, что судьи хотели сказать. Это когда они сами могут объяснить, что они хотели сказать, открытым текстом, без эзопова языка.

Мы уже привыкли к эзопову языку во всех областях, от политологии до медицинской науки, но в юриспруденции

давайте освободимся от намёков, полунамёков, кивков, морганий! Хочешь сказать? Скажи! Не готов сказать? Не говори! Но не эти глубокомысленные бессмыслицы.

А.Е.: Ну да, из серии «я сейчас что-то такое закину, авось, там внизу это вырастет...»

Ю.Т.: А вырастает в уродцев.

Иногда нормально вырастает, справедливости ради нужно сказать. Я сейчас не хочу всё черными красками малевать. По-разному бывает, порождены интересные правовые позиции, закрыты лакуны. Я бы даже сказал, в обязательственном и вещном праве больше определённости вносили, а вот в банкротстве совсем как-то вразнос пошло.

А.Е.: В части субординации, мне кажется, неплохо, что они такой абстрактный обзор запустили, потом стали допиливать его по конкретным делам, и в целом, когда я эти дела смотрел, видно, что текст вычитывался внимательно. В общем, чувствуется рука аналитика и мозг.

Верховный Суд придумал тему с фактической аффилированностью. На мой взгляд, они пошли на грабли, причём открыто. Я хорошо помню реформу корпоративного права, которая встала в жесточайший клинч на этой несчастной аффилированности.

Ю.Т.: Наверное, больше, чем о норме статьи 53.2 ГК (её размер варьировался на разных этапах от одного абзаца до шести страниц), не воевали ни по чему вообще!

А.Е.: И при этом итоговая норма ни о чём! То есть законодатель не смог договориться о юридическом определении аффилированности, и Верховный Суд говорит: «Ну и ладно, нам-то что? Давайте введем фактическую аффилированность». То есть мы юридически не понимаем, что это, а фактическую – как будто

сразу понимаем! К вопросу о намёках и полунамёках.

Ю.Т.: «Догадайся, мол, сама...»

А.Е.: Мы вас, ребята, бросаем в водоём, плывите... Некоторые выплывают, конечно, но там настолько много всего под эту фактическую аффилированность подведено, что темно уже в глазах... А главное – в первом деле, запустившем понятие фактической аффилированности (на него теперь все ссылаются), Верховный Суд говорит: «Здесь был понятен финальный бенефициар для нескольких лиц, он был собственником акций то ли материнской компании, то ли компании ещё более высокого уровня».

ВС зачем-то сказал, что это фактическая аффилированность. На самом деле это, на мой взгляд, никакая не фактическая. Если ты контролируешь (напрямую или через «прокладку»), очевидно, – это и есть аффилированность. Зачем говорить «фактическая»?

Может быть, здесь машинистка вмешалась? Они хотели сказать «фактически аффилирован» – то есть исходя из фактов, – а получилась «фактическая аффилированность», которая противопоставляется теперь юридической аффилированности.

Ю.Т.: Худший помощник переводчика. Когда два слова сложил, и получилось совсем не то, что имел в виду.

А.Е.: А практика пошла! И, взглянув на неё, я понял, что Верховный Суд со своей доктриной фактической аффилированности дал возможность судам использовать эти два магических слова и не утруждать себя объяснениями, в чём же она заключается. Не говоря уже о том, что могут быть разные степени интенсивности такой аффилированности.

Одно из дел мы обсуждали на «Частном четверге».

Жила-была птицефабрика тольяттинская. Она давно набрала долгов и де-

факто легла набок. Фактический банкрот. Точнее, она уже в конкурсе даже давно. Но ещё работает. И создаётся новое юридическое лицо, которое начинает работать в тесном взаимодействии с фабрикой. Тесном настолько, что даже наименование сходно до степени смешения. Формально собственники нового лица другие. Это юридическое лицо позволяет фабрике держаться на плаву, оно оплачивает её долги перед энергетиками и другими кредиторами. Но и фабрика для него выгодна. На её мощностях вырабатывается продукция для этого нового лица. Это взаимовыгодное партнёрство. Но в какой-то момент суды решают: обычное лицо (с улицы, видимо) не могло бы войти в столь плотный деловой контакт с фабрикой, а значит, это лицо фактически аффилированное. И пусть мы не знаем – через кого, но это для нас уже неважно.

Фишка заключается в том, что потом эта фирма-спутник не справляется со своими долгами и тоже впадает в банкротство. Эта контора набирает своих долгов (авансы за продукцию) и этими авансами расплачивается за долги птицефабрики, причём получатели это понимают – коммунальщики, энергетика, всем всё понятно. И тогда на сцену выдвигаются её личные кредиторы и говорят: «Ребята, мы тут авансы внесли. Где деньги?» А те говорят: «Все деньги отдали туда, по чужим долгам». Кредиторы отвечают: «Нехорошо...» – и приступают к оспариванию этих сделок. А суды отказывают в оспаривании, говорят: «Вы – аффилированы».

И я начинаю думать. Ну и что? Ну аффилированы. Теперь что, можно между конкурсными массами вот так перебрасывать активы без опасных последствий? С какой стати? У нас же нет банкротства группы. И те, кто получал деньги, всё понимали. И АС Уральского округа ссылается на фактическую аффилированность без особых объяснений. Даже если бы была юридическая

аффилированность – УЖЕ не факт, что так надо было делать. Если бы даже обе компании были под одним бенефициаром, всё равно разделили бы массы. А здесь ещё и не доказано!

Ю.Т.: Я их называю сиамские близнецы наоборот. Ведь сиамские близнецы – это что такое? Когда из одного тела – две головы. А бывает наоборот – когда две головы срastaются в одно тело.

Но я даже не столько про этот конкретный случай. Здесь я полностью согласен, конкурсные массы должны быть разделены.

Пока мы не придумаем режим банкротства групп, что давно, в общем-то, созрело, и теоретически это возможно сделать, но опять-таки должно быть нормативно определено. Я всегда за определённость.

В проблеме фактической аффилированности я вижу два глобальных вопроса. Первый – вопрос доказывания. Для того чтобы говорить о фактической аффилированности, мы должны верить в то, что умеем разбираться в деталях, что можем доказывать нюансированные, тонкие, незаметные полутона. Если мы верим, что у нас доказательственное право до такой степени развито, тогда – да. Иначе получается, как в известной шутке про парадоксальность российского сознания.

Вы верите правосудию? 90 процентов – нет. Вы верите правоохранительным органам в российской правоохранительной системе? 100 процентов – нет. Вы верите прокурору? 80 процентов – нет. Вы за смертную казнь? 100 процентов – да!

Одно другое заведомо исключает. При здравом смысле получается так: если ты не веришь в то, что мы умеем («мы» я могу отнести и к адвокатам, и к представителям; если представители не умеют этого делать или делают недостаточно хорошо, судьи уж тем более не могут разобраться в оттенках), то зачем же мы плодим такие институты, применение которых заведомо требует детальности? Не решив проблему допроса свидетелей, сложных дока-

зываний косвенными доказательствами, не разрешив проблем стандартов доказывания и не превратив их из научных публикаций в фактическую, урегулированную, понятную, пережитую всей судебной системой жизнь, совершенно опасно применять то, для чего нужен институт. Грубо говоря, давайте делать хирургические операции, но у нас нет скальпелей, обезболивающих, нет ничего, поэтому давайте бить киянкой и рубить топором, двуручной пилой. Давайте?

Это «давайте» и превращается в то, что мы делаем. Понятно, что в жизни вообще всё связано. И уж особенно бизнес-партнёры. Везде есть проблема доказывания, но тут она играет всеми красками, как бриллиант.

Вторая проблема связана с темой аффилированности в самом широком смысле слова. Здесь имеется в виду вечная война: открытый перечень или закрытый? *Numerus clausus* – не *numerus clausus*. А в чём здесь проблема?

Как только ты делаешь закрытый перечень, получается максимальная нормативная определённость. Аффилированный – это если от «а» до «я»! Вроде бы описали все случаи. Прекрасно!

Но голь на выдумки хитра. Вода всегда свою дырочку найдёт. Всегда получается, что придумают «я» с точкой, которой в этом перечне нет. И все будут говорить: «Но вы же применяете по списку? Перечень закрыт. У меня ни «а», ни «б». У меня «я» с точкой. А его в вашем перечне нет». Получается, что это – путь, не дающий никакого решения. Поэтому нам бы для начала определиться с аффилированностью вообще, чтобы у нас там хоть какой-то порядок появился.

Я говорю как человек, склонный к аналитическим взглядам: пока ты не решил проблему общего характера, невозможно решать проблему из этой области более частного порядка. Пока мы не разрешили вопрос полного понимания, что такое аффилированность с первого приближения, догматической, доктринальной, концепту-

альной точки зрения, нельзя переходить к вопросу фактической аффилированности. Потому что фактическая аффилированность – это намного более сложная аффилированность, чем обычная. Если ты не разобрался в простом, не разберёшься и в сложном.

А.Е.: Есть такой вариант: говорим, что никакого *numerus clausus* нет, и каждый раз решаем по факту.

Ю.Т.: А здесь другая проблема. Заключается в двух вещах: право и Конституционный Суд. Вся мировая практика учит нас защищать нормативную определённость. Особенно когда есть какой-то критерий, который приводит к отрицательным для тебя правовым последствиям.

Мы, рассматривая готовящуюся сделку, должны понимать, аффилированы или нет. Для того чтобы так написать, я должен ответить на вопрос: могу ли я в каждом конкретном случае сказать, аффилирован я или нет? Вот я в отношении журнала «Цивилистика», издательства «Статут», института «М-Логос» аффилирован или нет? Что имеется в виду? Структура капитала? Денежные отношения? Теоретически возможно. Тут платёж в одну сторону. Тут – в обратную. А это меня как-то аффилирует на теме банкротства, например? Для чего вообще разбираться с аффилированностью? Но в любом случае для ответа на вопрос я должен иметь отправную точку для своей мотивации. Для того чтобы судья потом когда-нибудь сказал, аффилирован ли я изданию «Цивилистика», для этого я здесь и сейчас, вступая в эти отношения, должен понять, что я сам об этом думаю. А я не могу ничего думать при нашем изложении и описании. Это тупик.

А.Е.: Как вы относитесь к переброске бремени доказывания? «Похоже, что вы аффилированы, теперь доказывайте, что вы не аффилированы».

Верховный Суд это любит.

Ю.Т.: Суперотрицательно отношусь. Именно как реакция на практику Верховного Суда, который много раз так делал. Это придумал ещё Высший Арбитражный Суд. И тогда он это сделал правильно, потому что в том деле было очевидно, что та сторона, которой перебросили это бремя, могла это доказать. Потом институт понравился, и его стали применять повсеместно.

А иногда тот, на кого перебрасывают, ровно так же не может доказать, что он не верблюд. Меня могут иногда назвать верблюдом, а я тоже не могу доказать, что я не верблюд, – именно потому, что я не верблюд. Мне говорят: «Раз ты предположительно в этой группе, то должен ответить на эти вопросы». А я тоже не могу ответить на эти вопросы, так же, как и истец. Именно потому, что я не связан.

Если они угадали, что я злодей, тогда победителей не судят. А если не угадали? Осудили невинного? У меня в практике много случаев привлечения к субсидиарной ответственности менеджмента. Им говорят: «Подтверждайте то, доказывайте это». А они не могут, у них нет ничего! Потому что они не часть этой группировки, которая выводила активы, лихоимственные извороты разные проворачивала. Если ты к ней не относишься, а тебя искусственно к ней подтягивают, то перебрасывание бремени доказывания означает, что тебя просто лишают права на судебную защиту в фактическом смысле этого слова.

А.Е.: Получается, мы учимся доказывать на людях, которые страдают.

Ю.Т.: На судьбах, на спинах, на горбах, на жизнях.

А.Е.: А у меня есть ещё вот такая идея. Мне кажется это очень важным. Аффилированность (даже если и есть) – она самая разная и в разных раскладах. Условно говоря, одно дело – член совета директоров куда-то входит, а его жена –

гендиректор в другой компании, но он не контролирует первую компанию. Хотя даже юридически в данном случае – аффилированность чистой воды. И мало ли, что сделка совершается. Другое дело, когда аффилированность приводит к общему контролю нескольких лиц (каждый на своём месте).

Более того, есть ситуации, в которых любая аффилированность может иметь значение, ибо достаточно простых подозрений. Например, в случае с арбитражными управляющими заинтересованность может быть любая. Суд говорит: «Я видел, что управляющий выступал в суде как представитель одного из кредиторов в другом деле». Ну да, стоит его отстранить. А вот в ситуации, например, с поручительством, мне не нравится, что у нас такой крен сложился, когда любое внутригрупповое поручительство устоит в конкурсном оспаривании. Раньше была иная ситуация, когда все поручительства сносили как сделку в ущерб кредиторам, а потом ВАС заложил крен в обратную сторону и сказал, что здесь какая-то хозяйственная связь есть, значит, нормально, всё в порядке.

Ю.Т.: Но хозяйственная связь хозяйственной связи рознь!

А.Е.: Конечно! Одно дело, когда материнская компания даёт поручительство за дочернюю. Тут понятно. У дочерней возросли активы, у материнской возросли в цене акции. Но совсем другое дело – поручительство дочерней компании за материнскую. И третье дело, когда поручительство выдаёт одна сестринская компания за другую.

И вот когда Верховный Суд говорит, что они аффилированы, есть хозяйственная связь, мне это очень не нравится. Я считаю, это неправильно.

Ю.Т.: Согласен полностью, но я даже более широко отвечу на этот вопрос. У нас же как любят? Для чего ищут? Чтобы кто-то был виноват. Наше вечное – наказать невиновного, наградить

непричастного. Общее правило: чтобы найти виновного, алгоритм такой – если он аффилированный, значит, можно его наказать. Дальше никого не интересует.

Вхождение в органы управления – это два разных вхождения. Можно жить душа в душу, а можно жёстко конкурировать за влияние и ресурсы. Быть братом или сестрой – это два разных братства или сестринства.

Мой любимый пример – из практики ВАС. Были два брата, у них было два уголовных дела по избитию друг друга, которые находились в кровной вражде и вообще, когда друг друга видели, не могли не подраться. При этом суд в двух делах признал их аффилированными, потому что они действительно были родными братьями. Но родные братья, бывает, убивают друг друга и находятся в конфронтации. Нет же наказания за то, что ты чей-то сын, брат или даже любовница. Наказание-то не за это!

Любая санкция должна проистекать из действий или последствий. А если мы посмотрим практику первых инстанций, она порой выносит решения, вообще не приходя в сознание. «Так, мы обнаружили, что Вася связан с Петей, а Петя связан с Любой – значит, они негодяи, и их нужно привлечь к субсидиарной ответственности!» Или признать сделку недействительной. А вы изучили, что это за сделка? Когда? В какой временной период? Выгодная она или невыгодная? Это, может быть, сейчас она стала невыгодная. А в тот момент она была просто суперприбыльная.

Вот у меня был такой случай. Сделку признавали невыгодной, а на самом деле в момент совершения она была с изъяном, но только в обратную сторону. Он купил у него неликвид по большому блату! Через полтора года все повернулось в обратную сторону (как и все в нашей стране: то недвижимость нужна, то она не нужна, то нужны нефтепродукты, то не нужны, то бетон нужен, то чугун не нужен). И получается, что первые ста-

Для того чтобы говорить о фактической аффилированности, мы должны верить в то, что умеем разбираться в деталях, что мы можем доказывать нюансированные, тонкие, незаметные полутона

ли последними, а последние – первыми. И никто даже не предполагает изучать это! Принцип собаки Павлова: лампочка загорелась – желудочный сок пошёл. Аффилированность увидели – давай наказывать. Это нонсенс! Но это просто постоянная история. Никто никаких деталей выяснять не планировал. Это вещь, которую мы должны прекратить вне зависимости от рассмотренного ранее сложнейшего вопроса про необходимость отличать оттенки цветов. Для того чтобы отличать их, нужно ещё смотреть, а нужно ли нам их отличать. Может, их и отличать не нужно.

А.Е.: У Верховного Суда есть дело прошлого года («Рудгормаш»), где создали схему. Одно лицо – белое, на него оседает прибыль (ему продаётся ниже рынка, оно продаёт по нормальной цене и сверхприбыльно). Другое – рабочая лошадка, на нём копится задолженность по налогам и т.п. И как только накопили большую сумму, запустили компанию в банкротство, а сами создали вторую рабочую лошадку и принялись реализовывать отработанную уже схему. Здесь судьи достаточно обосновали, почему, собственно, они установили конечного бенефициара, и объяснили, как они это сделали. Но народ у нас тоже хорош. Страна непуганых бенефициаров-схематозников.

Ю.Т.: Нарушений масса.

А.Е.: Народ хитрит.

Ещё мне понравилось дело Верховного Суда, где четырёх человек привлекли к субсидиарке за невыгодное решение: дебиторку внесли в уставный капитал дочерней компании, это было довольно невыгодно с хозяйственной точки зре-

ния, и один из них потом ушёл директором в эту компанию работать. Суды привлекли всех четверых. А Верховный Суд вернул на новое рассмотрение и сказал: «Разберитесь, кто это решение инициировал (аффилированы-то очевидно все, но кто-то, наверное, больше)». В принципе, если читать внимательно судебный акт, можно заметить намёк на необходимость дифференцированного подхода к аффилированности.

Ю.Т.: Соглашусь. Но проблема в том, что на один такой внятный акт есть десять невнятных, и они, боюсь, не только не улучшают, но ухудшают положение. Когда один внятный акт разбавлен десятью невнятными, это только добавляет правовой неопределённости. Внятные и невнятные можно на определённом уровне толковать как противоречащие между собой акты. Об этом тоже не нужно забывать.

Вот представьте. Мы приходим в процесс и представляем практику Верховного Суда. И наши оппоненты тоже! В принципе, каждый согласен, что кейс не релевантен на 100 процентов, но очень близко. И тут решили так, а тут решили эдак. Судья первой инстанции вообще не понимает, куда ему бежать. Действительно, читает: и на это дело похоже, и на это похоже, но тут решили в эту сторону, а тут – в другую. В том смысле, что критерии взяли за основу разные! Здесь такой, а тут – противоположный. Что делать?

Так получается, что Верховный Суд не выполняет конституционно установленное правило – создание единообразной судебной практики. Так написано в Конституции и в постановлениях Конституционного Суда. Он не только не выпол-

няет, но и ещё сильнее замутняет и без того непрозрачную воду.

А насчёт злоупотреблений тоже, конечно, ничего доброго в сторону предпринимательства и юристов, его сопровождающих, не скажу. В каком-то смысле эта практика – реакция на всякие лихоимственные извороты бизнеса. Но смею утверждать, что такая ситуация сложилась абсолютно во всех странах мира.

Мне постоянно рассказывают про свидетельские показания. Мол, «у нас врут». В Англии типа не врут, а у нас – врут. Поэтому у нас такая жизнь. Надо понимать, у них тоже когда-то ввали, но когда тебя раз поймали, два поймали, три..., даже самый глупый лжесвидетель перестаёт врать. То же и здесь: если бы у нас количество обличений было более 50 процентов, перестали бы злоупотреблять и в банкротстве, и в любых других областях, и свидетели бы перестали врать. А когда у нас шанс обнаружения постоянно стремится к нулю или суд, если наказывает, то наказывает не линейно всех, это ничему не учит и никого не стимулирует.

У меня есть любимое дело про привлечение к субсидиарной ответственности группы лиц в банке. Вначале суды отказывают в иске в отношении всех, но кассация отменяет. И правильно, поскольку в отношении некоторых ответчиков надо было точно удовлетворять. Если бы я был представителем одного из хороших ответчиков, то я бы сам призывал к тому, чтобы отменяли. На новом круге удовлетворяют в отношении всех. Никто не хочет разбираться адресно. Опять доказываем, что так нельзя. Опять отменяют. Вот уже три круга прошло. И каждый раз не попадают в реальных виновников банкротства.

Это как в мультике про Винни Пуха, помните: «Винни, не попал?» – «Ну как тебе сказать, Пятачок? Не то чтобы совсем не попал. Не попал в шарик». Они всё время стреляют и не попадают в шарик! То есть то перелёт, то недолёт. Казалось бы, всё просто – ну накажите вы

двух бенефициаров, которые всё это организовали, один из которых – председатель правления. А остальные в доведении до банкротства не виноваты. Отпустите их души на покаяние.

А.Е.: А остальные, которых не по делу привлекают, не пытаются переложить ответственность на двух главных виновников?

Ю.Т.: Пытаются, рассказывают, у них развернутые показания. Пытаются даже применять мертворожденную норму постановления Пленума ВС № 53 о том, что, если ты рассказал и помог, поспособствовал, тебе должно быть какое-то благо! Нет, не помогает. Истец вгрызся во всех, не отпускает ни одного ответчика, и ровно так же суд не собирается никаких нюансов выявлять. Либо всех наказывать, либо освобождать. Среднего почему-то не дано.

А.Е.: И последняя тема. Постановление Конституционного Суда по единственному жилью. Наконец-то?!

В контексте вашей статьи с С. Будылиным, опубликованной в нашем журнале. Я в прошлом году прозевал дело Хаймса! Женщина, которая дала Хаймсу аванс в 2,5 миллиона на покупку его квартиры, не смогла набрать остаток и полностью выкупить квартиру. Хаймс за счёт этого аванса выплатил долг банку за ипотеку, освободил квартиру от обременения и пошёл в банкротство! И Верховный Суд защитил его право на освобождение от долгов перед ней, сказал, мол, ты сама виновата, что не смогла набрать всех денег. И в совокупности Хаймсу «помог» иммунитет единственного жилья.

Мне кажется, это концептуально неверно. Нет причинной связи между тем, что она не смогла внести полную цену за квартиру, и тем, что продавец, который изъявил волю на потерю этого своего единственного жилья, теперь может передумать и отказаться. На мой

взгляд, это нонсенс. Вопиющая несправедливость.

Ю.Т.: Да, я тоже не понимаю. Эта логика противоречит здравому смыслу. Я никогда не замечал у Экономической коллегии, в отличие от Гражданской, левацких настроений. Но здесь – просто социалистический взгляд, как будто 1917 год на дворе. Разные есть ситуации.

Понятие «роскошное жильё» относительно. Я за конституционные принципы не оставить человека без крыши над головой. Но как можно в ситуациях очевидной несправедливости, где люди, прикрываясь конституционно-правовым принципом, злоупотребляют? Более того, я уже устал повторять, что когда Конституционный Суд говорит о праве на жильё, это не значит право на роскошное жильё или вообще на любое жильё. Он же говорит про какой-то социальный минимум, стандарт. То есть никто не говорит, что дом – это храмовое создание. Как раньше в Средневековье были правила: нельзя торговать в храме, воевать, дуэли в храмах устраивать. Но у наших стен в многоэтажке нет храмовой ценности. Вот сижу я в своей квартире, мне эти стены дороги и приятны. Государство должно мне гарантировать, что я не должен лишиться именно этих стен? Нет такого в Конституции! Ни между строк, ни над ними – нигде этого нет! Очевидно, речь идёт о том, что лицо нельзя выбрасывать на улицу.

Когда с ипотекой это нужно было, мы легко справились с иммунитетом единственного жилья, правда? Сам КС чётко написал, что ипотечный механизм – это благо, но, извини, есть и минусы. Ты это сразу понимаешь, что даже если это будет единственное для тебя жильё, тебя выселят.

А вторая непонятность этой позиции заключается в другом. Экономическая коллегия абсолютно свободна в широчайшей трактовке любых норм. Она трактует *contra legem*, она трактует сверх права, вместо права, она восполняет закон, и, в общем-то, имеет на это право. Это

одно из предназначений высшей судебной инстанции. И вдруг, когда речь зашла про единственное жильё, судьи коллегии утрачивают всякую резистентность, способность на мышление: «Ах, это же святое!.. Как мы можем святого коснуться без прямого урегулирования в законе?.. Как?!» Очень просто!

Вспоминаем те 157 случаев, когда высшая инстанция принимала регулирование на пустом месте или вопреки букве закона: астрент, отстранение арбитражных управляющих по инициативе суда и многое другое. Если по-человечески это делать (это важная оговорка), то всё возможно! А тут ситуация ещё проще. КС уже разрешил так делать.

Ладно, если бы последнее постановление № 15-П было первым. Но КС уже девять лет назад высказался, что правило об исполнительном иммунитете не может пониматься буквально и абсолютно. Он сказал законодателю изменить, а правоприменителю применять ограничительно с учётом позиции КС. И тут вдруг такая нерешительность, сдержанность, осторожность и куртуазность.

А.Е.: Ваш прогноз: пойдёт ли Верховный Суд на обострение или подчинится Конституционному Суду?

Ю.Т.: Я думаю, надеюсь и рассчитываю, что он не пойдёт на обострение, но не по политическим вопросам. Я верю, что, вынося решения, при всём этом левацком, как я выразился, заходе, они все-таки понимали, что в этом нехорошее.

А.Е.: КС опять не признал эту норму неконституционной. Опять сказал, что можно справиться и без изменения нормы. Она не особо мешает. По сути, он опять повторил отчасти сказанное в 2012 году. Тогда ведь это не помогло...

Ю.Т.: А потому что КС пребывает в комфортной для него позиции конституционной сдержанности (конформности). Он живет в логике, что если можно чего-то не признавать неконституционным жёстко,

он этого не делает. Но мне кажется, Конституционный Суд достаточно серьезную отповедь дал законодателю, гневно топая ногами (если читать между строк), приказал изменить законодательство.

А.Е.: Как говорил мой знакомый в Минюсте, когда они пытались разработать такой законопроект, каждый раз при новом шаге к ним поступало 400 гневных обращений от граждан с посылкой «руки прочь от нашей последней гарантии!», и это не компенсировалось 400 обращениями в поддержку законопроекта. Дальше случались очередные выборы, и работа затихала.

Ю.Т.: К счастью для Верховного Суда, он не избираем населением, в отличие от парламента и даже президента, не побоюсь этого слова. Всё-таки он может себе позволить трактовать так, как считает это возможным. Я надеюсь, что этот очень странный сдержанный подход он в себе преодолеет и начнёт вопрос регулировать.

Я не верю, что федеральный законодатель сможет на 100 процентов провести эту границу минимальной обеспеченности, которую коллеги сейчас вновь начинают обсуждать (13 метров, 18 метров...). Я думаю, это тупиковый путь. Здесь что-то должно оставаться на усмотрение, поэтому законодатель априори не может придумать никакого окончательного регулирования, к которому не придётся потом «прикладывать» судебское усмотрение. Без судебной практики вопрос иммунитета единственного жилья не будет решён до конца.

А.Е.: Законопроект, который я видел, был гораздо либеральнее, там не было никакой социальной нормы. Я предлагал стоимость жилья от 30 миллионов. Мне говорили, что этого мало, мол, давайте 50. Там были, по сути, защитные критерии для граждан. Ни о какой социальной норме жилплощади не писали. Будь этот закон принят, для граждан ситуация была бы гораздо комфортнее, чем сейчас при позиции КС, который защитил только жильё по социальной норме 18 квадратных метров общей площади на нос.

Сейчас, получается, какие-то квартиры по одному-два миллиона в провинции будут продаваться в банкротстве! То есть мы рискуем очень сильно сместить маятник из одного крайнего положения в другое. Хотя, возможно, только так и надо, чтобы законодатель проснулся наконец.

Ю.Т.: Я могу привести примеры, когда и после регулирования федерального законодателя не становится лучше, а становится чуть ли не хуже. Это связано с законодательным процессом, поиском компромисса. Вот эта компромиссность любого законопроекта приводит к ситуации, когда ни два, ни полтора, ни в городе Иван, ни в селе Селифан. Мы ищем, как бы договориться, а в результате получается, что не проводим ни одной принципиальной позиции. Ни мальчик, ни девочка. А какое-то оно.

А.Е.: Ладно, будем верить в лучшее. Спасибо за интересный рассказ!

18 мая 2021

Беседовал Андрей Егоров, главный редактор Журнала

